

Муниципальное автономное учреждение дополнительного образования

Дзержинского района г. Пермь

Центр детского творчества «Юность»

«МАЛЕНЬКИЕ КОМЕДИИ»

(сценарий спектакля)

По мотивам рассказов А.П. Чехова.

Пермь 2021 г.

Сцена 1. «Канитель»

Сцена затемнена. На клиросе стоит дьячок Отлукавин и держит между вытянутыми пальцами огрызенное гусиное перо. Около клироса стоит женщина, с озабоченным лицом и с узелком в руках. Она задумалась.

Дьячок— Дальше кого? Скорей, убогая, думай, а то мне некогда. Сейчас часы читать стану.

Женщина— Сейчас, батюшка... Ну, пиши... О здравии рабов божиих: Андрея и Дарьи со чады... Митрия, опять Андрея, Антипа, Марьи...

Дьячок— Постой, не шибко... Не за зайцем скачешь, успеешь.

Женщина— Написал Марию? Ну, таперя Кирилла, Гордея, младенца новопреставленного Герасима, Пантелея... Записал усопшего Пантелея?

Дьячок— Постой... Пантелей помер?

Женщина— Помер... — вздыхает старуха.

Дьячок— Так как же ты велишь о здравии записывать? — сердится дьячок, зачеркивая Пантелея и перенося его на другую бумажку. — Вот тоже еще... Ты говори толком, а не путай. Кого еще за упокой?

Женщина— За упокой? Сейчас... постой... Ну, пиши... Ивана, Авдотью, еще Дарью, Егора... Запиши... воина Захара... Как пошел на службу в четвертом годе, так с той поры и не слышать...

Дьячок— Стало быть, он помер?

Женщина— А кто ж его знает? Может, помер, а может, и жив... Ты пиши...

Дьячок— Куда же я его запишу? Ежели, скажем, помер, то за упокой, коли жив, то о здравии... Пойми вот вашего брата!

Женщина— Гм!.. Ты, родименький, его на обе записочки запиши, а там видно будет. Да ему всё равно, как его ни записывай: непутящий человек... пропащий... Записал? Таперя за упокой Марка, Левонтия, Арину... ну, и Кузьму с Анной... болящую Федосью...

Дьячок— Болящую-то Федосью за упокой? Тю!

Женщина— Это меня-то за упокой? Ошалел, что ли?

Дьячок— Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Не померла еще, так и говори, что не померла, а нечего в за упокой лезть! Путаешь тут! Изволь вот теперь Федосью херить и в другое место писать... всю бумагу изгадил! Ну, слушай, я тебе прочту... О здравии Андрея, Дарьи со чады, паки Андрея, Антипия, Марии, Кирилла, новопреставленного младенца Гер... Постой, как же сюда этот Герасим попал? Новопреставленный, и вдруг — о здравии! Нет, запутала ты меня, убогая! Бог с тобой, совсем запутала!

Дьячок крутит головой, зачеркивает Герасима и переносит его в заупокойный отдел.

Дьячок— Слушай! О здравии Марии, Кирилла, воина Захарии... Кого еще?

Женщина— Авдотью записал?

Дьячок— Авдотью? Гм... Авдотью... Евдокию... — пересматривает дьячок обе бумажки. — Помню, записывал ее, а теперь шут ее знает... никак не найдешь... Вот она! За упокой записана!

Женщина— Авдотью-то за упокой? — удивляется старуха. — Году еще нет, как замуж вышла, а ты на нее уж смерть накликаешь!.. Сам вот, сердешный, путаешь, а на меня злобишься. Ты с молитвой пиши, а коли будешь в сердце злобу иметь, то бесу радость. Это тебя бес хороводит да пугает...

Дьячок— Постой, не мешай...

Дьячок хмурится и, подумав, медленно зачеркивает на заупокойном листе Авдотью. Перо на букве «д» взвизгивает и дает большую кляксу. Дьячок конфузится и чешет затылок.

Дьячок— Авдотью, стало быть, долой отсюда... — бормочет он смущенно, — а записать ее туда... Так? Постой... Ежели ее туда, то будет о здравии, ежели же сюда, то за упокой... Совсем запутала баба! И этот еще воин Захария встрял сюда... Шут его принес... Ничего не разберу! Надо сызнава...

Дьячок лезет в шкафчик и достает оттуда осьмушку чистой бумаги.

Женщина— Выкинь Захарию, коли так... — говорит старуха. — Уж бог с ним, выкинь...

Дьячок— Молчи!

Дьячок макает медленно перо и списывает с обеих бумажек имена на новый листок. Спускается с клироса, смотрит на деньги в руках женщины.

Дьячок— Я их всех гуртом запишу, — говорит он, — а ты носи к отцу дьякону... Пуцай дьякон разберет, кто здесь живой, кто мертвый; он в семинарии обучался, а я этих самых делов... хоть убей, ничего не понимаю.

Сцена 2 «Хамелеон»

(Через сцену идет надзиратель с узелком в руке. За ним шагает человек (помощник) записной книжкой. Кругом тишина...никого)

— Так ты кусаться, окаянная? Ребята, не пуцай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а! (Из-за кулисы)

(Слышен собачий визг. Крик, выбегает человек, с окровавленным пальцем. Высовываются сонные физиономии и скоро собирается толпа).

Помощник— Никак беспорядок!

(Надзиратель идет к сборищу, видит человека с поднятой вверх правой рукой, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!» да и самый палец имеет вид знамени победы).

Надзиратель— По какому это случаю тут? , врезываясь в толпу.— Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

Человек— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю, насчет дров с Митрий Митричем,— и вдруг эта подлая ни с того, ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пуцай мне заплатят, потому — я этим пальцем,

может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

Надзиратель— Гм!.. Хорошо (строго, кашляя и шевеля бровями). — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин,— обращается надзиратель к помощнику,— узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — кричит кто-то из толпы.

Надзиратель— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину.— Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

Из толпы— Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

Человек— Врешь кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

Надзиратель— Не рассуждать!

Из толпы— Нет, это не генеральская....— У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

Надзиратель— Ты это верно знаешь?

Из толпы— Верно, ваше благородие...

Надзиратель— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?!.. Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

Из толпы— А может быть, и генеральская... На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

Надзиратель— Гм!.. Надень-ка на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

Помощник— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

Повар— Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

Надзиратель— И спрашивать тут долго нечего, она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и всё.

Повар— Это не наша, это генералова брата, что намерднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

Надзиратель— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? (всё лицо заливается улыбкой умиления).— Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

Повар— В гости...

Надзиратель— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцк эдакий...

(Повар зовет собаку и уходит... Толпа хохочет над человеком с окровавленным пальцем).

Надзиратель— Я еще доберусь до тебя! — грозит и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Сцена 3 «Фамилия»

Действующие лица:

Владелец дома (уставший от боли, хмурый, злой, тяжелый человек, угрюм, надменен, не привык от кого-то завесить и что-то просить).

Хозяйка дома (вся в хлопотах, создает вид, пытается руководить хозяйством, но только номинально).

Дочь (насмешлива, весела, не сочувствует отцу, не совсем послушна с матерью).

Гостья (напыщенная, глуповатая дама, эмоциональна и жива, готова всем и всему помочь, с целью самоутвердиться)

Дочь гостьи (умна не по годам, прозорливая, с хитрыми глазами).

Прислуга (инфантильная, ленивая девица).

Массовка, голос за кулисами.

Зал, убран достаточно дорого, но слегка обветшал, входит прислуга,

Гостья- доброго денечку соседи, как же ваша жизнь, чего нового

Хозяйка-вот, мучаемся от зубной боли, ...не в духе (полушопотом).

Гостья— Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, лет десять назад служил акцизный Яков Васильич. Заговаривал зубы — первый сорт. Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплюет — и как рукой! Сила ему такая дадена...

Хозяин дома— Где же он теперь?

Гостья— А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Тамошних, саратовских на дому у себя пользует, а ежели которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... у раба божьего Алексия зубы болят, прошу выпользовать. А деньги за лечение почтой пошлете.

Хозяин дома— Ерунда! Шарлатанство!

Гостья— А вы попытайте, ваше превосходительство, можно сказать, чудодейственный господин!

Хозяйка— Пошли, Алеша! Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

Хозяин— Ну, ладно, Тут не только что к акцизному, но и к чёрту депешу пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живет? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

Гостья— Его в Саратове каждая собака знает. Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

Хозяин— Ну?

— Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии...

Хозяйка-Ну.....

Гостья – Василию Яковичу.....

Вместе –НУУУУУ.....

Гостья-А фамилию вот и забыла!.. Васильичу... Чёрт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шла, помнила... Позвольте-с...

(шепчет что-то под нос, поднимает к потолку глаза, все ждут с нетерпением, выглядывает дочь)

Хозяин— Ну, что же? Скорей думай!

Гостья— Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыла! Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Пойдите... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

Хозяйка— Жеребятников?

Гостья— Никак нет. Пойдите... Кобылицын... Кобылятников... Кобелев...

Дочь гостьи— Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков? (с насмешкой)

Гостья— Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкпн... Всё не то!

Хозяин— Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай! (с нервами)

Гостья— Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

Хозяйка— Коренников?

Гостья— Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

Хозяин— Так зачем же, чёрт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыла?

Гостья собирается уходить медленно вышла, а хозяин схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

Хозяин— Ой, батюшки! Ой, матушки! Ох, света белого не вижу! (воет)

Гостья— Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Хозяин— Вспомнила?

Гостья— Никак нет, ваше превосходительство.

Хозяйка— Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию...

Прислуга— Табунов? (невзначай, убирая со стола)

Дочь— Копытин? Жеребовский?

Гостья— нет, (подняв вверх глаза, продолжает думать вслух). — Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

Дочь— Папа! Тройкин! Уздечкин!

Мизансцена толпы

Прислуга— Гнедов! — Рысистый! (уже заинтересованно).

Дочь-Лошадицкий!

Хозяин— Не Меринов ли? — спросил он плачущим голосом.

Гостья— Нет, не Меринов.

Хозяйка— Да может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

Гостья— Истинно слово, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

Хозяин— Экая ты, беспамятная... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Хозяин— Пускай рвет! — решил он. — Нет больше сил терпеть... пошлите за доктором....
(Сцена с доктором).

Гостья— Буланов... Чересседельников... (бормочет). — Засупонин... Лошадский...

Доктор— Голубушка! — Не могу ли я купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овес, да уж больно плохой...

(вспоминает фамилию)

Гостя— Надумала, ваше превосходительство! — (радостно, не своим голосом, влетая) —
Надумала, дай бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного! Овсов, ваше
превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

Все-Вспомнила!?!?!?